

МАРК ВЕЙНАР

НЕ ВСТРЕЧАЙ МЕНЯ

РОМАН

Марк Вейнар

Не встречай меня

«Автор»

2026

Вейнар М.

Не встречай меня / М. Вейнар — «Автор», 2026

Архивист Вера Ланская получает письмо с почтовым штемпелем 2039 года. Его автор, незнакомый архитектор Алексей Воронцов, утверждает, что станет её мужем, что у них родится дочь Лиза и что однажды Вера погибнет при обрушении Северной станции. Чтобы спасти её, он просит об одном: не искать его и никогда с ним не встречаться. Экспертиза подтверждает невозможное происхождение бумаги, а в старой пневмопочте станции появляется новое послание — уже после их первой встречи. Вера и Алексей пытаются проверить предупреждение, не превращая будущую любовь в навязанный сценарий. Но письма меняются вслед за их решениями, а каждая попытка избежать судьбы создаёт другую версию общего прошлого. Это история о вине, свободе выбора и цене спасения человека, которого ещё не успел полюбить.

© Вейнар М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марк Вейнар

Не встречай меня

Пролог

17 марта 2039 года

В 17:42 часы над главным входом Северной станции остановились.

Позже Алексей будет помнить не грохот. Грохот оказался слишком большим, чтобы уместиться в памяти: металл, стекло и человеческие голоса слились в один звук, похожий на то, как ломают не здание, а сам воздух. Он будет помнить другое — красный шарф Веры на сером полу и то, что один его конец шевелился от сквозняка.

За семь минут до обрушения она стояла рядом с ним под восстановленным циферблатом и сердито говорила, что он опять смотрит не на неё, а на потолок.

— Профессиональная деформация, — ответил Алексей.

— Нет. Страх.

Он хотел возразить, но тогда на верхней галерее треснуло стекло.

Вера первой повернула голову. Люди продолжали фотографироваться, музыка играла, ведущий говорил в микрофон об историческом дне. Алексей увидел, как по декоративному шву над аркой пробежала тонкая белая линия. В отчёте, который он спрятал три недели назад, она называлась «вероятной зоной локального напряжения».

Он успел крикнуть: «Отойдите!»

Вера успела толкнуть девочку в зелёном пальто к матери.

Потом потолок опустился.

Когда Алексей очнулся, было темно. На лице лежала пыль, во рту чувствовался вкус железа. Правая рука не двигалась. Где-то близко плакал ребёнок, далеко звали спасателей. Он нашёл Веру по шарфу.

Её глаза были открыты. На ресницах белела известь.

— Я здесь, — повторял он, хотя не знал, слышит ли она. — Я здесь. Вера, я здесь.

Она шевельнула губами.

Он приблизился, прижав ухо почти к её лицу.

— Лиза? — спросила Вера.

— Дома. Она дома. С ней всё хорошо.

Это была правда. Их десятилетняя дочь заболела и не приехала на открытие. Алексей никогда не узнает, случайность ли спасла её или мир заранее оставил ему одного человека, перед которым придётся отвечать.

Вера выдохнула. Потом очень тихо сказала:

— Ты знал.

Не вопрос. Не обвинение. Простая точность, которой она всегда отличалась.

Алексей держал её за руку, пока рука не стала чужой.

Через четыре часа его вынесли наружу. Через два дня подали официальный список погибших. Через месяц комиссия получила предварительный отчёт, который Алексей спрятал в ящике рабочего стола. Через год его приговорили к пяти годам колонии-поселения за сокрытие сведений, способных повлиять на безопасность объекта.

Он не спорил.

После освобождения Алексей вернулся к станции. Её закрыли бетонным забором, но в архивном крыле ещё оставался служебный вход. Он знал здание лучше тех, кто охранял руины, и добрался до старой почтовой комнаты, не встретив никого.

В стене за сортировочным шкафом находилась узкая латунная дверца. Во время реставрации её считали частью дореволюционной пневмопочты. Алексей видел, как однажды из щели выпал конверт, хотя трубы давно были обрезаны. Тогда он промолчал. Он вообще слишком часто молчал, когда боялся потерять то, что любил.

Теперь терять было нечего.

Он положил на стол лист архивной бумаги и долго не мог начать. За окном шёл мокрый снег. На станции стучал незакреплённый лист жести.

«Вера», — написал он.

Чернила дрогнули.

Он рассказал о дне открытия, о трещине, о своём отчёте. Потом вычеркнул всё. Предупреждение не спасёт её, если приведёт к нему. Нужна была одна простая просьба, которую невозможно понять неправильно.

Алексей взял новый лист.

«Вера, в твоём времени мы ещё не знакомы. Ты не знаешь, как я пью кофе, как молчу, когда виноват, и какое имя мы дадим нашей дочери. Ты не обязана знать ничего из этого.

Если письмо дошло, пожалуйста, не ищи меня. Не приезжай на Северную станцию. Не пытайся проверить, правду ли я говорю.

Что бы ни случилось, не встречай меня».

Он подписался и поставил дату: 17 марта 2039 года.

Конверт вошёл в латунную щель слишком легко. Внутри стены что-то мягко щёлкнуло, словно механизм ждал именно этого письма.

Алексей закрыл глаза.

Впервые за тринадцать лет он позволил себе представить мир, в котором Вера жива.

И в этом мире она его никогда не любила.

Глава 1

Конверт

Вера Ланская не верила письмам, которые находили своих адресатов слишком поздно.

За десять лет работы в городском архиве она видела сотни таких историй. Признания, пролежавшие в чужой папке сорок лет. Извинения, пришедшие после смерти адресата. Фотографии младенцев, чьи собственные внуки уже не могли узнать на снимке ни одного лица. Люди любили говорить, что документы умеют ждать. Вера считала иначе: бумага ничего не ждёт. Ждут люди, а потом убеждают себя, будто опоздание тоже имеет смысл.

В тот понедельник она разбирала мешок корреспонденции из закрытого почтового отделения при Северной станции. Вокзал реставрировали, архивные помещения освобождали, всё найденное отправляли на экспертизу. В мешке лежали рекламные открытки девяностых, неоплаченные счета, рождественская карточка без марки и конверт кремового цвета.

На нём было написано её имя.

«Вере Андреевне Ланской. Лично».

Почерк — мужской, неровный, будто человек писал повреждённой рукой. Адрес архива указан точно, включая номер комнаты, который появился только после ремонта два года назад.

Вера перевернула конверт. Обратного адреса не было. Почтовый штемпель читался хорошо: «Северная станция, 17.03.2039».

Она позвала коллегу.

— Катя, у нас опять шутники.

Катя подошла с кружкой и наклонилась над столом.

— Красиво состарили. Открывай.

— Сначала зарегистрирую.

— Тебе лично пришло.

— Оно найдено в служебной партии. Значит, пока это документ.

Катя закатила глаза. В архиве считали, что Вера способна оформить акт даже на собственное похищение, если похитители дадут ей пять минут и ручку.

Конверт не был заклеен обычным клеем. Клапан держался на тонкой прозрачной полосе, похожей на высохший желатин. Вера провела по краю шпателем и вынула два листа.

Первая строка заставила её перестать дышать.

«Вера, в твоём времени мы ещё не знакомы».

Она прочитала письмо до конца, затем второй раз — медленнее.

Незнакомец по имени Алексей утверждал, что станет её мужем. У них будет дочь Лиза. Они проживут вместе почти тринадцать лет. В день открытия Северной станции произойдёт авария, и Вера погибнет. Чтобы этого не случилось, она не должна искать автора и приезжать на вокзал.

Катя перестала улыбаться.

— Это очень плохая шутка.

— Да.

— Кто знает про твою комнату?

— Пол-архива.

— Про дочь?

— У меня нет дочери.

— Я поняла. Я имею в виду... кто знает, что ты хотела так назвать ребёнка?

Вера посмотрела на неё.

— Никто.

Имя появилось, когда Вере было семнадцать. Они с мамой ехали в электричке и спорили о том, какое имя не может испортить даже неприятный человек. Мама выбрала Елизавету. Через неделю она умерла от разрыва аневризмы. Вера никогда не рассказывала этот разговор ни бывшему жениху, ни друзьям.

В письме была ещё одна деталь.

«Ты всё равно решишь, что это розыгрыш. Тогда посмотри на внутреннюю сторону левой дверцы маминого шкафа. Под отслоившимся шпоном она написала: “Вера не должна жить осторожно вместо меня”. Ты не видела эту фразу».

Шкаф стоял в квартире Веры с детства. После маминой смерти она перевезла его к себе и ни разу не реставрировала.

— Ты побледнела, — сказала Катя.

— Ничего.

Вера сложила листы, убрала их в прозрачный файл и оформила запись в журнале. Руки слушались, почерк оставался ровным. Только в графе «предполагаемая дата» она сначала написала 2039, потом зачеркнула и поставила текущий год.

Вечером она долго стояла перед шкафом.

Левая дверца открывалась с тихим скрипом. На внутренней стороне висели старые шарфы. Вера сняла их, провела пальцами по тёмному шпону и нашла небольшой вздутый участок возле петли.

Ей понадобился нож и десять минут, чтобы поднять край.

Под шпоном проступили выцветшие синие буквы.

«Вера не должна жить осторожно вместо меня».

Она села на пол.

В квартире было так тихо, что слышался холодильник на кухне. Вера перечитала фразу, потом письмо, потом снова фразу. Разум предлагал объяснения: кто-то видел шкаф; кто-то прочитал мамину записку раньше; кто-то знает о разговоре в электричке; кто-то потратил много времени, чтобы напугать её.

Все объяснения требовали незнакомца, который знал её жизнь лучше, чем любой близкий человек.

На последнем листе внизу стояла приписка:

«Я знаю, что просьба звучит жестоко. Но однажды ты спросила, выбрал бы я нашу любовь, если бы знал цену. Тогда я солгал. Теперь отвечаю честно: нет».

Она достала телефон и сфотографировала надпись с нескольких углов, приложив к дверце линейку. Затем, сама удивляясь своей педантичности, записала время, освещение и всё, что успела сделать с момента получения конверта. Так она оформляла обнаружение чужих документов, когда боялась, что память позже подменит последовательность событий. Теперь протоколировала собственную жизнь.

В альбоме телефона рядом оказались снимок письма и старая фотография мамы у того же шкафа. На фотографии дверца была закрыта, мама смеялась и придерживала ладонью отслоившийся край шпона. Вера увеличила изображение до зернистости, будто могла разглядеть момент, когда фраза уже существовала, но ещё не была предназначена ей.

Она открыла переписку с Катей, набрала: «Похоже, это не розыгрыш», — и стёрла. Потом написала: «Мне нужно, чтобы завтра ты спросила, не передумала ли я идти в лабораторию». Это было странное сообщение, зато оно оставляло в настоящем свидетеля.

Письмо Вера положила в прозрачную архивную папку, папку — на середину стола. Выбросить её теперь означало бы уничтожить вещественное доказательство. Оставить — признать, что доказательство относится к ней.

До полуночи она убеждала себя выбросить письмо.

Утром принесла его в лабораторию.

Глава 2

Бумага, которой нет

Николай Сергеевич заведовал лабораторией так давно, что молодые сотрудники считали его частью оборудования. Он носил серые жилеты, разговаривал с микроскопами уважительнее, чем с людьми, и никогда не спрашивал, зачем Вере нужна экспертиза. В тот раз спросил.

— Личная вещь?

— Возможно.

— Это не категория хранения.

— Тогда потенциальный объект мистификации.

Он поднял брови, но взял конверт пинцетом.

Исследование заняло три дня. Вера старалась работать как обычно: выравнивала намокшие листы, заполняла карточки, отвечала на письма посетителей. Она не ездила к Северной станции и не искала Алексея Воронцова. По крайней мере, первые семь часов.

Потом ввела имя в поисковую строку.

Алексеев Воронцовых оказалось слишком много. Врач из Тулы, преподаватель истории, фотограф, два предпринимателя, мальчик-победитель олимпиады. Вера закрыла браузер, испытывая облегчение, которое тут же показалось подозрительным.

Через час открыла снова — уже не имя, а номер патента, который Николай Сергеевич упомянул вскользь. Заявку подал химический концерн из Финляндии. В описании говорилось о защитном составе для долговременного хранения документов в нестабильной влажности. Испытания должны были закончиться в 2028 году. Ни одного коммерческого листа пока не существовало.

Вера написала в компанию с рабочего адреса, представившись исследователем архивных материалов. Ответ пришёл неожиданно быстро: образцы выдавались только трём лабораториям, каждая партия имела микромаркировку. Вера нашла её под увеличением — последовательность из шести точек в волокне. Отправила фотографию.

На следующий день финский специалист ответил, что такой код в их системе ещё не назначен. Потом добавил фразу, от которой Вере стало не по себе: «Судя по структуре, это могла бы быть серия после масштабирования технологии. Но мы пока не знаем, каким будет масштабирование».

К письму он приложил форму запроса на передачу образца. Вера её не заполнила. Отдать единственный лист незнакомой лаборатории означало лишиться контроля. Она заметила собственную мысль и усмехнулась: ещё вчера контроль казался профессиональной добродетелью, сегодня уже напоминал страх.

На третий день Николай Сергеевич положил перед ней заключение.

— Бумага хлопковая, архивная, кислотность низкая. Производитель не определён. Волокна обработаны составом, который у нас пока встречается только в лабораторных образцах.

— Насколько «пока»?

— Патент подан в прошлом году. Серийного производства нет.

Вера посмотрела на конверт.

— Можно изготовить ручную?

— Можно построить копию луны из папье-маше. Вопрос в цене и смысле.

— Чернила?

— Железо-галловые, но стабилизированные полимером. Тоже современная разработка.

Штемпель нанесён не поверх старого загрязнения, а до него. Иными словами, конверт действительно пролежал где-то некоторое время после того, как получил дату 2039.

— Это невозможно.

— Я эксперт по материалам, Вера Андреевна. Невозможность — не моя специальность. Он снял очки и протёр их платком.

— Есть ещё кое-что. Волокна в месте сгиба деформированы так, будто лист складывали много раз. Но линия сгиба менялась. Сначала письмо было длиннее.

— Его обрезали?

— Нет. Текст исчез.

Вера ждала улыбки. Николай Сергеевич не улыбнулся.

— Под ультрафиолетом видны зоны, где структура бумаги отличается, — продолжил он. — Не следы стёртых чернил. Скорее следы того, что чернила там когда-то могли быть. Я понимаю, как это звучит.

— Вы видели подобное раньше?

Он слишком быстро надел очки.

— Нет.

Ложь была маленькой, почти вежливой. Вера узнала её потому, что сама так лгала, когда хотела закрыть тему без конфликта.

— Николай Сергеевич.

— Я выдал заключение. Остальное не относится к экспертизе.

— В письме упоминается Северная станция. Оно найдено в партии оттуда. Вы работали с архивом станции в девяностых.

— И что?

— Там была старая пневмопочта?

Он замер на секунду.

— Была. Не действовала уже тогда.

— Откуда вы знаете, что письмо пришло через неё?

— Я этого не говорил.

Вера почувствовала холод не снаружи, а внутри — так остывает металл.

Николай Сергеевич вернул конверт.

— Мой совет: зарегистрируйте его как неопознанный объект и забудьте.

— Автор просит того же.

— Иногда авторы понимают собственные письма лучше адресатов.

— А иногда боятся.

Он посмотрел на неё долго и устало.

— Страх не всегда трусость. Иногда это память о цене.

В дверях появилась Катя.

— Вера, там приехали люди со станции. Привезли ещё коробки. Главный архитектор просит кого-нибудь из реставраторов посмотреть настенные планы на месте.

— Как его зовут? — спросила Вера.

Катя заглянула в сообщение.

— Алексей Воронцов.

Николай Сергеевич закрыл глаза.

Вера сжала конверт так сильно, что угол впился в ладонь.

— Передай, что я приеду завтра.

— Вера, — тихо сказал Николай Сергеевич.

Она повернулась.

— Письмо просило не приезжать.

— Именно поэтому я должна увидеть станцию до того, как начну ей подчиняться.

Глава 3

Северная станция

Северная станция была похожа на огромного зверя, которого разбудили во время операции.

Половину фасада закрывали леса. В главном зале висели строительные сетки, мраморный пол пересекали кабели, вместо пассажиров ходили люди в касках. Над входом замер старый циферблат без стрелок. Вера увидела его и сразу подумала о 17:42.

Она разозлилась на себя.

У турникета охранник попросил расписаться в журнале. В графе «время выхода» уже стояла бледная цифра 17:42, хотя строка принадлежала предыдущему посетителю и была зачёркнута. Вера заставила себя не искать в этом знак. Люди постоянно писали цифры. Часы постоянно показывали время. Катастрофа уже начала присваивать себе самые обычные совпадения.

Она надела каску, получила временный пропуск и прошла через зал. Под подошвами хрустела пыль. С верхнего яруса свисал кусок синей ткани, и на секунду он показался шарфом. Вера остановилась так резко, что рабочий с тележкой едва не врезался в неё.

— Осторожнее, — сказал он.

Слово прозвучало почти насмешкой. Вера отошла и записала в блокнот: «Синий защитный тент. Не шарф. 11:06». Ей стало спокойнее от того, что страх получил точное название.

— Вера Ланская? — окликнул мужской голос.

Мужчина шёл к ней между штабелями плит. Высокий, тёмноволосый, в синей каске и сером пальто, на котором белела строительная пыль. В письме не было описания его внешности, но Вера узнала его раньше, чем увидела пропуск на груди.

Не лицом. Движением: он придержал рукой правый карман, будто проверяя, на месте ли ключи.

В письме было: «Ты всегда смеялась, что я проверяю ключи, даже когда дверь уже открыта».

— Алексей Воронцов, — представился он. — Спасибо, что приехали.

Вера не ответила сразу.

У него были усталые серые глаза и тонкий шрам у подбородка. Никакого мистического узнавания, никакой музыки. Только странное чувство, будто она долго слышала голос из соседней комнаты и наконец открыла дверь.

— Мы знакомы? — спросил Алексей.

— Нет.

— Вы смотрите так, словно я задолжал вам деньги.

— Возможно, в будущем.

Он улыбнулся. Вера пожалела о фразе.

Алексей провёл её в восточное крыло, где под поздней штукатуркой обнаружили фрагменты старой схемы почтовых маршрутов. Он говорил быстро и точно, не пытаясь впечатлить. Показывал, какие стены сохраняют, какие придётся укрепить, где откроют стеклянную галерею. Вера ловила детали, которые знала из письма: он касался большим пальцем обручального пальца, когда волновался; говорил «смотрите» перед важным объяснением; не наступал на трещины в плитке.

— Здесь, — сказал он, остановившись у замурованной двери, — раньше была сортировочная комната. Нашли латунные трубки, но они обрезаны. Хотим оставить участок как музейный объект.

— Трубки куда веди?

— По планам — в почтовое отделение и служебные кабинеты. Одна линия уходит в стену и пропадает.

— Вы проверяли её?

— Камера дошла до изгиба и застряла. А почему вы спрашиваете?

Вера вынула из папки перчатки, чтобы не смотреть ему в лицо.

— Профессиональный интерес.

По пути Алексей остановился у ограждённого участка пола. Под снятым мрамором были видны кирпичные своды и новые металлические балки.

— Здесь всё держалось сто лет на решениях людей, которых уже нельзя спросить, — сказал он. — Мы видим чертёж и думаем, что понимаем замысел. Потом открываем конструкцию и оказывается, что рабочий заменил деталь, инженер передумал, война отрезала поставки. Здание — не один проект. Это спор поколений.

— Тогда как вы можете гарантировать безопасность?

— Никак. Можем только сделать неизвестное видимым и заложить запас.

Слово «гарантировать» он произнёс без раздражения, будто много раз отвечал на этот вопрос. Вера вспомнила будущее письмо, где всё было определено до минуты. Рядом с ним профессиональная честность Алексея звучала почти противоположно: он не обещал невозможного.

— Ваш отец тоже был архитектором? — спросила она, заметив старую фотографию на планшете у стены.

— Прорабом. Погиб на строительстве торгового центра. Обрушилась временная площадка. В официальном отчёте написали: нарушение техники безопасности рабочими. Потом выяснилось, что крепления заменили более дешёвыми. Руководство знало.

Вера поняла, почему слова об аварии превратили его лицо.

— Простите.

— Не нужно. Просто теперь вы знаете, почему я хочу увидеть часть письма о станции.

— И почему можете увидеть там не предупреждение, а повторение.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Вы быстро понимаете людей.

— Я восстанавливаю то, что они пытались скрыть в документах.

— Опасная профессия для знакомства.

— Для знакомства с вами — особенно.

Они вошли в комнату. На полу лежала пыль, в стене темнели ячейки старого сортировочного шкафа. Вера почувствовала, как письмо в сумке стало тяжёлым, почти живым.

— Вот здесь нашли вашу партию, — сказал Алексей. — Мешки лежали за шкафом. Странно, что их не обнаружили раньше.

— Шкаф двигали?

— Нет. Он встроенный.

— Тогда как мешки оказались за ним?

Алексей присел, посветил фонарём в щель.

— Хороший вопрос.

Из глубины стены донёсся мягкий щелчок.

Они оба замерли.

— Крыса? — спросила Вера.

— В металлической трубе?

Щелчок повторился. Потом в нижней ячейке что-то зашуршало.

Алексей протянул руку, но Вера остановила его.

— Перчатки.

— Конечно.

Он надел выданные ею хлопковые перчатки и вынул из ячейки сложенный лист без конверта.

На внешней стороне было написано: «Вере. После первой встречи».

Алексей прочитал надпись и посмотрел на неё.

— Вы уверены, что мы не знакомы?

Вера слышала собственное сердце.

— Теперь уже нет.

Она не сразу развернула лист. Сначала осмотрела края. Бумага была сухой, хотя труба уходила в сырую кладку; на сгибе не было пыли, а чернила казались нанесёнными несколько минут назад. Вера поймала себя на том, что снова прячется в профессию. Если измерить плотность, влажность и кислотность, можно было хотя бы ненадолго не отвечать на вопрос, почему послание назвало их встречу первой.

— Это ваш почерк? — спросил Алексей.

— Нет.

— Вы узнали его.

— Видела один раз.

Он не потребовал подробностей. Закрыв фонарик, положил его рядом и отступил на полшага, оставляя ей пространство. Этот жест оказался опаснее нажима: человек из письма не вёл себя как человек, пытающийся выполнить заранее написанную роль.

В коридоре кто-то уронил металлическую рейку. Звук прокатился по пустым залам станции и затих. Вера подумала, что ещё может сложить лист, вызвать охрану, передать находку Николаю Сергеевичу и никогда не читать её рядом с Алексеем. Но тогда неизвестный автор всё равно добьётся своего: решение будет принято из страха перед текстом.

Она положила лист на стол между ними, чтобы ни один не мог назвать его только своей тайной.

Она развернула лист.

«Ты всё-таки приехала. Значит, первое письмо снова не сработало».

Глава 4

Человек из письма

Алексей не позволил ей забрать второй лист молча.

— Объясните.

В сортировочной комнате пахло штукатуркой и старой древесиной. За стеной работал перфоратор, но звук казался далёким. Вера читала письмо, стараясь не показывать, как дрожат пальцы.

«В этот раз ты встретила меня на станции, а не в мастерской. Уже изменение. Не радуйся: мелкие перемены не отменяют главного. Я всё ещё стану человеком, которому ты поверишь. Я всё ещё подведу тебя».

Дальше автор перечислял события ближайших дней. Алексей предложит ей кофе из автомата, она откажется, потом всё-таки возьмёт чай. Он спросит о надписи на листе. Вера соврёт, что это часть архивного эксперимента. Вечером у неё сломается замок, и Алексей приедет помочь, потому что случайно окажется рядом.

— Что там? — повторил он.

— Чья-то постановка.

— Моё имя есть?

Вера сложила лист.

— Есть.

— И ваше. И фраза о первой встрече. Это не похоже на случайность.

— Поэтому я должна сначала проверить документ.

— Вы приехали сюда уже с проверкой в голове. Что вы знали обо мне?

Она вспомнила первую строку: «Ты не знаешь, как я пью кофе».

— Что вы главный архитектор проекта.

— Это было в письме?

Вера промолчала.

Алексей снял каску, провёл ладонью по волосам и вдруг показался не героем из будущего, а человеком, которому испортили рабочий день чужой тайной.

— Хорошо, — сказал он. — Начнём заново. Кто отправитель?

— Алексей Воронцов.

— Я?

— Человек с вашим именем.

— И когда он написал?

— В 2039 году.

Алексей посмотрел на неё без улыбки.

— Вы серьёзно.

— К сожалению.

Вера достала первый конверт и передала ему через стол. Он не стал читать весь текст. Увидел подпись, дату, несколько строк — и вернул.

— Почерк не мой.

— Возможно, изменится.

— Удобно.

— Мне тоже не нравится.

— Что ещё там сказано?

— Что мы будем знакомы.

— Насколько знакомы?

Она почувствовала, как краснеет, и разозлилась ещё сильнее.

— Достаточно.

Алексей понял.

Он отошёл к окну, за которым виднелись ржавые пути.

— У меня есть невеста, — сказал он. — Через четыре месяца свадьба.

Вера кивнула. Письмо не упоминало невесту. В нём их любовь существовала как готовое помещение, из которого вынесли всех прежних жильцов.

— Как её зовут? — спросила Вера.

— Марина.

Имя тоже ничего не вызвало. Ни узнавания, ни строки, ни предчувствия. И от этого Марина впервые стала реальной: женщина, которая утром могла написать Алексею, что купить к ужину; знала его родителей; выбирала музыку для свадьбы. Не пустое место между двумя предсказанными людьми.

— Она знает, что вы встречаетесь с архивистом из будущего? — спросила Вера.

— Пока я встречаюсь с реставратором на объекте. Если ситуация изменится, узнает первой.

— Почему первой?

— Потому что мы собираемся пожениться. Так работает близость.

Вера почувствовала стыд: будущий Алексей писал ей интимные подробности их брака, но настоящий мужчина объяснял ей элементарную верность другому человеку. Письмо заранее подарило ей привилегию, которой она не заслужила.

— Поздравляю.

— Это не ответ.

— А вопроса не было.

— Был. Вы пришли ко мне, зная, что какой-то будущий я считает нас... парой. Зачем?

— Чтобы убедиться, что вы существуете.

— Убедились?

Вера посмотрела на него. Шрам у подбородка, пыль на пальто, след от каски на лбу. В письме он был голосом, который знал каждую её слабость. Здесь — раздражённым мужчиной, который хотел вернуться к работе.

— Да, — сказала она. — И это ничего не упростило.

Алексей снова взял первый конверт, но не открыл.

— Вы сказали, письмо предупреждает о 2039 годе. О чём именно?

— Об аварии на станции.

Его лицо изменилось.

— Какой аварии?

— Я не буду обсуждать это здесь.

— Это мой проект.

— И моя смерть.

Слова прозвучали резче, чем она хотела. Алексей замолчал.

Перфоратор за стеной перестал работать. В тишине снова щёлкнула латунная труба.

На этот раз ничего не выпало.

Алексей медленно сказал:

— Я всё равно хочу увидеть оба письма полностью.

— Нет.

— Почему?

— Потому что первое просит меня не встречаться с вами. Второе доказывает, что просьба уже не выполнена. Чем больше мы читаем, тем больше действуем по написанному.

— Вы уже действуете. Вы знаете мои привычки?

Вера отвела взгляд.

— Некоторые.

Он взял со стола каску.

— Тогда договоримся. Вы проверяете письмо. Я проверяю трубу и безопасность станции. Мы не строим из этого отношения, пророчество или религию.

— Разумно.

— И вы не появляетесь у меня дома с рассказом о будущей семейной жизни.

— Не собиралась.

— Хорошо.

Он направился к двери, затем остановился.

— Кофе будете?

Вера вспомнила строчку из второго письма.

— Нет.

— Чай есть.

Вера посмотрела на автомат у стены. На второй странице было написано: «Ты возьмёшь чай без сахара, потому что не захочешь выглядеть испуганной». До этой минуты фраза казалась мелкой деталью, почти доказательством. Теперь любой ответ превращался в ловушку. Откажется — значит, подчинится предупреждению. Согласится — исполнит строку. Попросит кофе — выберет напиток не потому, что хочет его, а ради демонстрации свободы.

— У вас всегда такой сложный выбор между чаем и кофе? — спросил Алексей.

— Только когда оба плохие.

— Есть вода.

Она неожиданно рассмеялась. Не от шутки — от того, что письмо не предусмотрело третий стакан и человека, который не пытался угадать правильный ответ. Алексей подошёл к автомату, нашёл за панелью одноразовую ложку и вытер с неё строительную пыль салфеткой. Это была обычная, никем не описанная последовательность движений.

Вера могла выбрать воду. Но вдруг поняла, что тогда всё равно будет спорить с листом, а не разговаривать с живым человеком. Свобода заключалась не в противоположном поступке. Иногда она заключалась в том, чтобы перестать доказывать бумаге, что ты свободен.

Она закрыла глаза на секунду.

— Тогда чай.

Алексей ничего не заметил. Или сделал вид.

Глава 5

Чужая привычка

Вера вернулась на станцию через два дня под предлогом осмотра настенных схем.

Предлог был настоящий, и это раздражало сильнее всего. Работа действительно требовала её присутствия. Алексей действительно нуждался в заключении реставратора. Будущее не тащило её за руку — оно просто подстраивало обычные причины так, что сопротивление выглядело нелепо.

Он встретил её у служебного входа с двумя стаканами.

— Чай без сахара, — сказал Алексей. — Я угадал?

Вера посмотрела на стакан.

— Откуда вы знаете?

— В прошлый раз вы не взяли сахар. Не всё обязано быть из письма.

Она приняла чай.

Они работали три часа. Под поздним слоем краски обнаружились линии старой маршрутной карты. Вера счищала загрязнение, Алексей держал лампу и задавал вопросы. Он умел молчать рядом, не превращая тишину в ожидание. Это тоже было в письме, но ощущалось иначе. Будущий Алексей молчал как человек, которого она уже знала. Настоящий — как человек, который уважал её сосредоточенность.

— Вы всё время сравниваете, — сказал он.

Кисть остановилась.

— Что?

— Меня с тем, кто написал письмо.

— Я почти ничего о нём не знаю.

— Зато знаете достаточно, чтобы замечать совпадения.

Вера вернулась к работе.

— Вы проверяете ключи в кармане.

Алексей машинально коснулся пальто и нахмурился.

— Все проверяют.

— Вы не наступаете на трещины.

— Суеверие с детства.

— Когда нервничаете, трёте обручальный палец, хотя кольца нет.

Он убрал руку.

— Ещё что?

— Пьёте кофе только после того, как он остынет.

— Это уже пугает.

— Меня тоже.

Алексей поставил лампу на ящик.

— Скажите одну вещь, которой в письме нет.

— О вас?

— Да. То, что вы узнали сами.

Вера посмотрела внимательнее. На его левой манжете была маленькая нитка, на шее — след от ремешка каски. Он несколько раз поправлял лампу, чтобы свет не бил ей в глаза. Когда рабочий уронил инструмент, Алексей вздрогнул, но первым спросил, не пострадал ли кто-нибудь.

— Вы вежливее, чем ваш будущий вариант, — сказала она.

— Он грубый?

— Уставший.

— Хорошо. Значит, у меня есть шанс не стать им.

Эта фраза не была предсказана. Вера улыбнулась прежде, чем успела решить, стоит ли.

После работы они спустились в служебное кафе. За соседним столом спорили инженеры. Алексей рассказывал о станции: её построили в 1908 году, перестраивали после войны, закрыли грузовое крыло в восьмидесятых. Он говорил о здании не как о памятнике, а как о живом существе, которому много раз меняли кости.

— Почему вы выбрали реставрацию? — спросил он.

— Документы не притворяются, что забыли.

— Люди притворяются?

— Постоянно.

— А вы?

— Я притворяюсь, что мне всё равно.

Алексей усмехнулся.

— Это было в письме?

— Нет.

— Уже хорошо.

Телефон на столе завибрировал. На экране появилось имя «Марина» и фотография женщины с короткими светлыми волосами. Алексей сразу ответил.

— Да, я помню. Нет, не задержусь... Я сейчас с реставратором... Хорошо. Тоже тебя.

Он говорил спокойно и нежно, без той рассеянности, с которой люди отвечают из чувства долга. Вера отвернулась к окну.

— Простите, — сказал он, закончив разговор.

— За что?

— Не знаю. Показалось, вам неприятно.

— Вы предупредили, что у вас есть невеста.

— Предупредил так, будто это техническое ограничение. Марина не ограничение. Она человек.

— Я понимаю.

— Правда?

Вера встретила его взгляд.

— Я была помолвлена, — сказала она. — Илья ушёл не к другой женщине. Он просто полгода принимал решения так, будто меня уже нет: выбрал новую работу, квартиру, город. Потом сообщил всё одним разговором. Самым унижительным было не расставание, а то, что в его версии будущего я заранее согласилась исчезнуть.

Алексей перестал защищаться.

— Поэтому вы не хотите делать с Мариной то же самое.

— Поэтому я не хочу позволить письму сделать это за нас.

— Я не Илья.

— Знаю. Но вы пока и не тот Алексей, который пишет мне из 2039-го. Я должна научиться видеть обоих отдельно.

Он кивнул. Некоторое время они молчали. Вера подумала, что именно такие разговоры письма пропускали: в них оставались свадьбы, дети, смерти, но не минуты, когда два незнакомца осторожно объясняли друг другу границы. Возможно, будущее запоминало только большие события, потому что не понимало, из чего они на самом деле складываются.

— Именно поэтому я не хочу читать вам письма.

Он помолчал.

— В них её нет?

— Ни одного упоминания.

Алексей опустил глаза на кофе.

— Значит, будущее умеет быть невежливым.

Когда они вышли, уже стемнело. У служебного входа Алексей проверил ключи. Вера заметила и ничего не сказала.

Дома замок её квартиры заело.

Ключ вошёл наполовину и не поворачивался. Вера стояла на лестничной площадке, глядя на металл, и знала следующую сцену. «Вечером у тебя сломается замок, и Алексей приедет помочь, потому что случайно окажется рядом».

Она могла вызвать мастера. Могла переночевать у Кати. Могла сломать предсказание самым простым способом.

Телефон зазвонил.

Алексей.

— Вы забыли папку в кафе, — сказал он. — Я ещё возле вашего района. Могу завезти.

Вера смотрела на неподвижный ключ.

— Не нужно.

— Вы в порядке?

— Да.

Вера вынула ключ и снова вставила его, медленно, проверяя каждый миллиметр. Металл упёрся в тот же невидимый предел. На площадке пахло пылью и ужином соседей; снизу хлопнула дверь лифта. Мир продолжал быть бытовым, пока телефон сообщал, что человек из будущего уже едет к ней.

— Оставьте папку у консьержа, — сказала она.

— У вас нет консьержа.

— Тогда на почтовом ящике.

— Вера, я слышу, как вы дёргаете замок. Вызвать мастера?

Она прислонилась лбом к двери. Правильное решение казалось очевидным: не впускать Алексея, потому что письмо просило не встречаться с ним вообще. Но автор уже один раз использовал её осторожность как рычаг. Если сейчас за дверью будет новое послание, любое действие снова окажется заранее подготовленным ответом.

Вера набрала номер аварийной службы, продиктовала адрес и сбросила, когда оператор попросил подтвердить заявку. Потом открыла чат с Катей, отправила геолокацию и фотографию застрявшего ключа. Ей нужны были обычные люди, обычные записи и хотя бы одна причина верить, что происходящее существует не только внутри письма.

— Я перезвоню, — сказала она Алексею.

— Хорошо. Но папку всё равно привезу.

Вера хотела возразить. Внутри механизма будто повернулся чужой ключ.

Замок щёлкнул сам собой. Дверь приоткрылась.

Из тёмной прихожей на пол выпал кремовый конверт.

На нём было написано: «Не впускай его».

Глава 6

Не впускай его

Вера подняла конверт, не переступая порог.

Квартира была пуста. Она включила свет с лестничной площадки и увидела привычную прихожую: серый коврик, шкаф, сумку, оставленную утром на стуле. Никакой щели в стене, никакой латунной трубы. Конверт лежал так, будто его просунули под дверь, но дверной зазор был слишком узким.

Телефон всё ещё был у уха.

— Вера? — спросил Алексей. — Что случилось?

Она смотрела на надпись «Не впускай его».

— Замок открылся.

— Отлично. Тогда я просто оставлю папку у двери.

— Вы уже подъехали?

— Через пять минут буду.

Письмо требовало простого действия. Достаточно было дождаться, забрать папку и закрыть дверь. Вера могла выполнить предупреждение, не объясняя причин. Это даже не считалось подчинением — обычная осторожность.

Но автор из будущего слишком точно рассчитал её послушание. Первое письмо просило не встречаться, и встреча произошла. Второе предсказало замок. Теперь третье пыталось распоряжаться дверью её квартиры.

Вера разорвала край конверта.

«Если Алексей войдёт сегодня, ты покажешь ему первое письмо. Он решит, что обязан проверить угрозу станции. Через неделю Марина узнает о вас и отменит свадьбу. Это будет не честный выбор, а паника. Не впускай его. Пусть хотя бы одна жизнь не начнётся с чужого страха».

Последняя фраза остановила её сильнее приказа.

Снаружи слышались шаги. Алексей поднялся на площадку, держа папку под мышкой.

— Добрый вечер, — сказал он, заметив открытый конверт. — Похоже, почта работает быстрее меня.

Вера встала в дверях.

— Спасибо за папку.

Он передал её и не попытался заглянуть внутрь.

— Замок точно исправен?

— Да.

— Тогда до завтра.

Он повернулся к лестнице.

— Алексей.

Он остановился.

Вера могла впустить его и тем самым доказать, что не управляется письмом. Но сопротивление приказу было такой же зависимостью, как послушание. Она вдруг поняла: будущее уже заставляло её принимать решения не по желанию, а назло.

— Письмо велело не впускать вас, — сказала она.

Алексей медленно обернулся.

— И вы не впускаете?

— Не знаю. Я ещё не решила, хочу ли пригласить вас сама.

Он посмотрел на неё, затем на порог.

— Это честный ответ.

— Вы злитесь?

— На письмо — да. На вас — пока нет.

— Оно утверждает, что если вы войдёте, я покажу первый лист, вы испугаетесь за станцию, а ваша невеста через неделю отменит свадьбу.

Лицо Алексея стало закрытым.

— Марина отменит или я?

— В письме — она.

— Удобное будущее. Снимает с меня ответственность.

— Я поэтому и сказала.

Он спустился на одну ступеньку, но не ушёл.

— Я не хочу читать письмо сегодня, — произнёс он. — И не хочу входить только для того, чтобы его опровергнуть. Но завтра я расскажу Марине, что происходит.

— Вы уверены?

— Нет. Зато это моё решение.

Вера почувствовала неожиданное облегчение.

— Тогда до завтра.

— До завтра.

Он ушёл. Она закрыла дверь, проверила замок и прошла на кухню. Третий конверт лежал на столе. Вера перечитала текст.

Слова начали бледнеть.

Сначала исчезла строка «Через неделю Марина узнает о вас». Затем вместо неё медленно проступило: «Алексей расскажет ей сам».

Вера отшатнулась.

Чернила двигались по бумаге без следа руки. Несколько букв распались серой пылью, другие появились из волокон. Последний абзац изменился полностью.

«Ты оставила его за дверью, но впервые не потому, что я попросил. Не обманывай себя: это маленькая победа. Она ничего не гарантирует».

Вера сфотографировала лист. На экране телефона текст был прежним: «Не впускай его».

Она сделала второй снимок. На нём уже читалась новая версия.

Две фотографии одного листа противоречили друг другу.

До трёх ночи Вера проводила бессмысленные опыты. Перекладывала конверт из кухни в комнату, закрывала в кастрюле, ставила перед ним зеркало, снимала непрерывное видео. На видео лист иногда оставался пустым; иногда камера отключалась на секунду; однажды запись показывала руку Веры, хотя она точно стояла в другом конце комнаты.

Она позвонила Кате, но сбросила до ответа. Позвонить Алексею было ещё опаснее: не потому, что он мог приехать, а потому, что ей хотелось услышать его голос. Письмо уже превратило любое желание в подозреваемого.

Вера села на пол и написала на обычной бумаге: «Я не обязана отвечать сразу». Положила записку рядом с конвертом. Ничего не произошло.

Тогда она добавила: «И ты не имеешь права объяснять мне, почему я поступила».

Чернила на письме дрогнули, но новых слов не появилось. Вера испытала детское удовлетворение, будто выиграла спор у стены. Утром это чувство показалось нелепым, но важным: впервые она обращалась к будущему не как к судье, а как к собеседнику, которому можно отказать.

Утром Вера положила их перед Николаем Сергеевичем.

Он посмотрел на экран, потом на неё.

— Теперь вы расскажете о том, что видели раньше, — сказала Вера.

— Не здесь.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи становятся устойчивее, когда их называют при свидетелях.

— Это суеверие?

— Опыт.

Он взял серый жилет со спинки стула.

— После работы. Старое кафе напротив речного вокзала. И не приносите оригиналы.

— Вы боитесь писем?

Николай Сергеевич застегнул пуговицу не в ту петлю и не заметил.

— Я боюсь людей, которым они дают надежду.

Глава 7

Марина

Марина приехала на станцию сама.

Вера увидела её в переговорной через стеклянную стену. На фотографии в телефоне Алексей улыбался рядом с красивой женщиной, но снимок не передавал главного: Марина занимала пространство спокойно, без просьбы заметить её. Короткие светлые волосы, тёмно-зелёный костюм, тонкая папка в руках. Она слушала Алексея, не перебивая, и только один раз отвернулась к окну.

Когда разговор закончился, Алексей вышел первым.

— Я рассказал, — сказал он Вере.

— Всё?

— Почти. Про вашу смерть — нет. Я не уверен, что имею право.

— И что она сказала?

— Что хочет познакомиться.

Марина открыла дверь.

— Лучше без пересказов, — произнесла она.

Её голос был ниже, чем ожидала Вера.

Они сели втроём. На столе лежала копия первого письма с закрытыми листами бумаги строками. Алексей оставил только дату, подпись и предупреждение о станции.

— Вы работаете с документами, — начала Марина. — Насколько легко подделать такую вещь?

— Любую отдельную часть — возможно. Все вместе — крайне сложно.

— Но возможно.

— Да.

— А сведения о вас?

— Некоторые мог узнать человек, который следил за мной. Одну фразу написала моя мать в месте, о котором не знала даже я.

Марина медленно кивнула.

— Алексей сказал, что автор считает вас его будущей женой.

— Да.

— И вы поэтому приехали на станцию?

Вопрос был прямым, но без враждебности.

— Я приехала проверить документ.

— Это ответ реставратора. А ваш?

Вера посмотрела на Алексея. Он не вмешивался.

— Я хотела увидеть человека, который однажды будет знать меня лучше всех.

Марина побледнела, но голос сохранила ровным.

— И увидели?

— Нет. Я увидела незнакомца.

— Вас это разочаровало?

— Облегчило.

Марина закрыла папку.

— Хорошо. Теперь моя часть. Я не собираюсь отменять свадьбу из-за письма. И не собираюсь делать вид, что ничего не происходит. Алексей будет работать с вами, потому что станция требует экспертизы. Я доверяю ему. Но доверие не означает, что я обязана не задавать вопросов.

— Вы вправе задавать любые.

— Тогда первый: вы влюблены в него?

Алексей резко вдохнул.

Вера могла ответить «нет». Это было бы правдой — она не знала его достаточно. Но письмо уже подарило ей чужую тоску, память о несостоявшейся дочери и ощущение утраты человека, который сидел рядом живым. Простого «нет» не существовало.

— Я влюблена в жизнь, описанную человеком из будущего, — сказала она. — Это не то же самое, что любить Алексея сейчас. И я постараюсь не путать.

Марина долго смотрела на неё.

— Неожиданно честно.

— Ложь всё равно попала бы в следующее письмо.

Алексей провёл рукой по лицу.

— Потрясающе. Теперь у нас семейный конфликт с участием почтового отделения из будущего.

Марина впервые улыбнулась.

— Семейным он станет, когда мы поженимся.

Вера заметила, как Алексей коснулся безымянного пальца.

После встречи Марина попросила поговорить с Верой наедине.

Они вышли на платформу, закрытую для пассажиров. Между рельсами росла сухая трава.

— Я не считаю вас виноватой, — сказала Марина. — Пока.

— Спасибо за уточнение.

— Но я знаю Алексея. Когда он боится за проект, он перестаёт различать работу и спасение мира. Если письмо говорит об аварии, он будет проверять всё до бесконечности.

— Разве это плохо?

— Плохо, когда страх становится способом не жить. Его отец погиб на стройке. Алексей уверен, что любая ошибка — это личное предательство.

В первом письме об отце не было ни слова.

— Он не рассказывал.

— Потому что вы пока незнакомы.

Марина произнесла это без злости, но фраза попала точно.

— Есть кое-что ещё, — продолжила она. — Алексей сказал, что в письмах меня нет.

— Нет.

— Это не доказывает, что я исчезну. Возможно, автор просто решил, что не обязан обо мне помнить.

Вера почувствовала стыд за человека, которого ещё не существовало.

— Вы правы.

— Поэтому, когда будете читать следующие письма, помните: будущее, рассказанное одним мужчиной после трагедии, не является всей правдой.

Марина ушла к выходу, затем обернулась.

— И ещё. Если вы действительно хотите не разрушить чужую жизнь, не обещайте себе, что никогда его не полюбите. Люди чаще всего предают именно обещания, данные из страха. Просто говорите правду вовремя.

Вера осталась на платформе.

В сумке тихо хрустнула бумага.

Она открыла третий конверт. Под изменившимся текстом появилась новая строка:

«Марина сказала тебе правду раньше, чем я научился».

Глава 8

Девочка на фотографии

Четвёртое письмо пришло не в конверте.

Вера нашла его внутри архивной коробки, которую лично опечатала накануне. Между инвентарными листами лежала фотография: мужчина, женщина и девочка на берегу моря. Снимок был немного выцветшим, края закруглены, в правом углу — дата 12.08.2034.

Мужчину Вера узнала сразу. Алексей выглядел старше, волосы на висках поседели. Женщина стояла спиной к камере, но поворот головы, линия плеч и красный шарф принадлежали Вере. Девочка сидела у мужчины на шее и смеялась, закрыв глаза.

На обороте рукой Алексея было написано: «Лиза впервые увидела море и решила, что оно следует за ней».

Вера держала фотографию за края, пока Катя читала надпись.

— Это можно сделать нейросетью, — сказала Катя.

— Можно.

— Или это правда.

— Нельзя считать правдой всё, что больно хочется сохранить.

Катя посмотрела на неё внимательнее.

— Ты уже хочешь?

Вера убрала снимок в конверт.

— Я хочу понять.

В лаборатории Николай Сергеевич подтвердил, что фотография напечатана химическим способом на бумаге, выпущенной не раньше 2031 года — по маркировке на защитном слое.

— Маркировку могли подделать, — сказал он прежде, чем Вера спросила. — Но зерно изображения соответствует оптике, которой ещё нет в массовой продаже. И девочка...

— Что с ней?

Он подвинул снимок под лампу.

— У неё родинка под левым глазом. Такая же, как у вас.

Вера знала. Маленькая точка почти исчезала под тональным кремом.

— Совпадение.

— Разумеется.

Николай Сергеевич не умел произносить это слово убедительно.

Алексей пришёл вечером. Марина была с ним. Вера показала фотографию обоим.

Он долго не прикасался к ней.

— Это я, — наконец сказал Алексей.

— Похоже на вас, — уточнила Марина.

— Нет. Это я. Здесь шрам на руке.

Он закатал рукав. На внутренней стороне предплечья тянулся тонкий белый след.

— Его почти никто не видел, — сказал он. — Я получил ожог в шестнадцать лет.

Марина взяла фотографию.

— Девочка похожа на тебя.

— И на Веру.

В комнате стало тесно.

— Её зовут Лиза, — сказала Вера. — По крайней мере, в той версии.

Алексей сел.

Он смотрел не на будущую жену, а на ребёнка. Вера увидела, как защита, которую он строил вокруг писем, дала трещину. Не любовь к ней — нечто сильнее и опаснее: любовь к человеку, которого ещё не было.

Он достал телефон и нашёл детскую фотографию сестры. Потом свою — выцветший снимок на даче. Увеличивал глаза, линию носа, улыбку. Это было бессмысленно, но остановить его никто не мог.

— Подбородок как у моей матери, — сказал Алексей.

— Ты уже строишь родословную, — тихо заметила Марина.

Он опустил телефон.

— Прости.

— Не за что просить прощения. Я тоже пытаюсь понять, на кого она похожа. Вот в этом и жестокость. Нам дали не абстрактное обещание ребёнка, а лицо.

Вера вспомнила архивные фотографии неизвестных детей. Если имена терялись, родственники всё равно искали сходство — уши прадеда, рот тёти, взгляд матери. Сходство делало человека своим даже без доказательств. Письмо воспользовалось самым древним механизмом любви.

— Мы должны перестать называть её нашей, — сказала Вера.

— Но как? — спросил Алексей.

— Говорить: девочка на фотографии. Пока только так.

Он кивнул, но Вера увидела, что внутри он уже произнёс имя.

— Мы собирались назвать дочь Анной, — тихо сказала Марина.

Алексей поднял голову.

— Мы просто обсуждали имена.

— Да. И ты говорил, что не любишь имя Елизавета.

Он снова посмотрел на снимок.

— Возможно, передумаю.

Марина положила фотографию на стол слишком аккуратно.

— Вот так это и работает, — произнесла она. — Письмо показывает тебе ребёнка, и ты уже готов изменить вкус. А потом скажешь, что выбрал сам.

— Марина...

— Я не обвиняю. Я тоже смотрю на неё и думаю, какая она. Любит ли рисовать. Боится ли темноты. Это жестоко.

Вера убрала фотографию.

— Мы можем не смотреть больше.

— Уже посмотрели, — ответила Марина.

Алексей подошёл к окну. Вечерняя станция отражалась в стекле поверх его лица.

— Если мы ничего не сделаем, она не родится?

Вера почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Мы не знаем.

— Но такая возможность есть.

— Есть и возможность, что она никогда не существовала. Что снимок — один из вариантов.

— Для неё разницы нет.

— Для неё пока вообще ничего нет, — резко сказала Марина. — Алексей, нельзя предать настоящую жизнь ради фотографии возможного ребёнка.

Он повернулся к ней.

— Я никого не предаю.

— Пока нет.

Слово повисло между ними.

Марина взяла пальто.

— Я поеду домой.

— Я с тобой.

— Нет. Мне нужно побыть одной.

— Марина.

Она остановилась у двери.

— Я не отменяю свадьбу, — сказала она. — Но сегодня впервые подумала, что могу это сделать. Не потому, что письмо так предсказало. Потому что ты посмотрел на девочку и уже стал отцом в семье, где меня нет.

Дверь закрылась.

Алексей остался у окна. Вера не подходила.

— Она права, — сказал он.

— Да.

— Вы всегда так быстро соглашаетесь, когда это против вас?

— Только когда это правда.

Он усмехнулся без радости.

— В письме есть описание Лизы?

— Несколько строк.

— Не говорите.

Вера кивнула.

— Но фотографию оставьте мне на один день.

— Зачем?

— Хочу проверить одну вещь.

— Какую?

Алексей увеличил фотографию на телефоне. За плечом девочки виднелась белая лестница, уходящая к воде, и кусок вывески с синей буквой. Он открыл почту, нашёл письмо от гостиницы и показал рекламный снимок. Та же лестница, те же перила, тот же мыс на горизонте.

— Бронирование на июнь, — сказала Вера.

— Да. Снимок Лизы сделан летом. Если мы с Мариной поедem туда, это будет совпадением. Если отменим поездку — тоже решением из-за фотографии.

— Не превращайте место в развилку. Море не выбирает за вас.

— Легко сказать.

Он смотрел уже не на девочку, а на дату подтверждения брони. Вера поняла: снимок успел присвоить себе не только возможное будущее, но и настоящее Марины. Теперь даже их свадебное путешествие казалось декорацией из чужой семьи.

Алексей указал на море за спиной девочки.

— Я знаю это место. Мы с Мариной забронировали там свадебное путешествие.

Глава 9

Воспоминание о том, чего не было

Место на фотографии называлось Белая бухта.

Алексей нашёл в компьютере подтверждение бронирования: небольшой отель, август следующего года, номер с видом на море. Снимок будущего был сделан в двухстах метрах от него. Совпадение можно было объяснить. После свадебного путешествия он мог вернуться туда с Верой и ребёнком. Необъяснимым оставалось другое: бронирование оформляла Марина, и Вера никогда не слышала о бухте.

— Отменим поездку, — сказал Алексей.

— Почему? — спросила Марина.

Они встретились втроём в кафе, потому что Марина настояла на разговоре при Вере. За ночь она стала спокойнее, и от этого Алексею было тяжелее.

— Потому что теперь там будет девочка, — ответил он. — Даже если мы поедem вдвоём, я буду искать место с фотографии.

— Значит, письмо уже забрало у нас бухту.

— Я не хочу, чтобы так было.

— А я не хочу всю жизнь уступать ему города, даты и имена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.